

вали 694 тыс. рабочих, в октябрьской стачке 1905 г. — уже более 2 млн. Царь вынужден издать “Манифест” (компромисс! — И. И.) и обещать народу новые свободы.

“Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона” — не раз цитирует в своих статьях Бунин русскую поговорку. “Из нас” — это из кого? Или “дубина” — из “черни”, “икона” — из помещиков, дворян, князей и прочая?.. Имущего класса? Белой кости?..

“Если бы я эту “икону”, эту Русь (? — И. И.) не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу”¹³.

“Икону” Иван Алексеевич любил. А тех, кто пел “Дубинушку”?.. Задумывался ли о том, почему из одних — только “иконы”, а из других — только “дубины”; нет ли тут подвоха какого в устройстве жизни и доколе такое будет продолжаться?.. Конечно, думал и понимал: зря, что ли, брат Юлий водил его в молодости по радикальным кружкам? Но не желал никаких радикальных перемен Бунин, да и зачем желать, если ты, хоть обедневший, но всё же дворянин, уже знаменит на всю Россию, как говорится, “сыт, пьян и нос в табаке”?

“Честолюбие!..” Если бы только! “Повторяемость”: нищета и голод постоянно и остро давали знать себя в российских деревнях, где в начале XX в. проживало 85% населения. Через каждые три-четыре года в стране — неурожай, а вслед за ними — голод. В 1891—1892 гг. в России от голода умерли сотни тысяч человек. Через каждые 10 лет в России случался большой неурожай и — большой голод. В 1911 г. голод охватил 20 губерний с населением в 30 млн человек.

Статистика: накануне 1917 г. в России насчитывалось около 2 млн богатых крестьян. Немало! Ещё около 3 млн относились к середнякам. Но 10 млн (две трети) крестьян были бедняками: ни кола, ни двора; ни лошади, ни коровы. В сущности своей, батраки все те же крепостные, хоть и “свободные”, вынужденные гнуть спину на новых хозяев, ещё вчера таких же крепостных, как они, которые были зачастую ещё более жестокими и безжалостными, чем прежние бары. Рано или поздно бедный крестьянин должен был заявить о своих нуждах и страданиях. И когда в годы Первой мировой войны его одели в шинель и дали в руки винтовку, “человек с ружьём” стал естественным резервом тлевшей революции. А когда революция грянула, встал под знамёна тех, кто обещал мир, землю и хлеб. Это были большевики. Это был Ленин.

Ленин, большевики прекрасно понимали “шаткость”, переменчивость настроений, расколотасть народа на несколько слоёв: на зажиточных, довольных собой и жизнью; живущих трудно, но колеблющихся, к бунту не готовых; на бедных и нищих, голь перекадную, “проклятьем заклеимённых” на то, чтобы родиться, жить и умирать в голоде и холоде, в услужении, без всякой надежды для детей или хотя бы внуков и правнуков выбиться “в люди”. Таких в России было абсолютное большинство — хоть среди нарождавшегося рабочего класса, хоть среди крестьян, деды и отцы которых всего полвека назад ещё пребывали в крепостных — в рабстве. Кому мила такая судьба? “Чернь” и “нелюдь” сознавали, что они “никто” и “ничто”. И когда провозгласили, что “никто” станет “всеми” — они восстали.

Был ли Ленин честолюбив? Почему бы и нет? Человек, лишённый честолюбия, не добьётся ничего в какой угодно области. Сам Бунин — воплощенное честолюбие. Зато какой чудный писатель и поэт!..

“Все спешим влить вино новое в мехи старые и — что ж?” — вопрошает Бунин. В подтверждение бессмысленности таких занятий цитирует Шиллера: “Попытка французов восстановить (? — И. И.) священные права людей и завоевать свободу обнаружила только их бессилие... Развращённое поколение оказалось недостойно этих благ... Что мы увидели? Грубые анархические институты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью торопятся к животному самоудовлетворению... Явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твёрдо зажмёт в своём кулаке бразды правления...”

“А Великая Английская революция? — вновь вопрошает Бунин теперь уже цитатой Герцена. — Кромвель, величайший злодей, казнит Карла и губит миллионы (? — И. И.) людей, уничтожает ту самую свободу, за которую он будто боролся... Меняются формы, но не сущность...”¹⁴ И добавляет от себя: “То же было во Франции с её Маратами и Робеспьерами, в Испании, в Америке,